

18+

СЕРЖ СОБАКИН

#НАШУТИЛСОБАКИН

САТИРИЧЕСКИЕ И ЮМОРИСТИЧЕСКИЕ РАССКАЗЫ

ЧИТАЙТЕ ПЕРВУЮ КНИГУ ИЗВЕСТНОГО БЛОГГЕРА,
ДИЗАЙНЕРА И ПИСАТЕЛЯ, ЗВЕЗДЫ 1 КАНАЛА

СЕРЖА СОБАКИНА

Серж Собакин

#НАШУТИЛСОБАКИН.

**Сатирические и
юмористические рассказы**

«Издательские решения»

Собакин С.

#НАШУТИЛСОБАКИН. Сатирические и юмористические рассказы / С. Собакин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-853805-6

Сейчас вы держите в руках его первую книгу, написанную в течение года. Смысла в ней особого нет, морали тоже. Просто веселые истории из жизни автора и его друзей. (Журнал «Сало тудей») Наслаждайтесь идиотским юмором, бредом и легкими приступами маразма автора, который безусловно окончит свои дни в канаве. «Тфу на него», как сказал великий. (Альфред Жужайло, критик и просто козел) Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-853805-6

© Собакин С.
© Издательские решения

Содержание

Как я стал Собакиным	6
Петербуржец в минус пятом поколении – это страшно!	8
Из непонятого	9
О бренности сущего	11
Бывает, что бывает. А что?	13
Жизнь – боль.	14
Как я был дедом Морозом...	16
О детстве	18
Увидел Кронштадт – и... ничего, живой	20
Ша, консерва, это культура!	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

#НАШУТИЛСОБАКИН

Сатирические и юмористические рассказы

Серж Собакин

Редактор Наталья Васильевна Шуганова

Дизайнер обложки Серж Собакин

Редактор Екатерина Сизова

© Серж Собакин, 2018

© Серж Собакин, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4485-3805-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Как я стал Собакиным

Господь наделил меня хорошим чувством юмора, умением писать как говорить, и острым, саркастическим умом.

Это мое счастье и моя же грусть.

Счастье – это когда люди, которые с тобой проводят вечер, отмечают твой веселый нрав, а печаль – это когда люди после вечера, проведенного с тобой в истерических взрывах смеха, больше не хотят тебя видеть, потому что после тебя им было плохо.

Иногда люди начинают считать тебя скотом, который своим сарказмом оскорбил их в самую середку израненной, кровоточащей души. Во глубину скреп, в самый центр их древнерусского душевного лаптя. Или даже Валенка их Скорби о Самом Дорогом.

Когда мне было 24 года, я вернулся из ссылки в солнечную республику Туркменистан и случайно (это важно, что случайно, а не нарочно) попал в городскую газету. Припер туда свои написанные куриной лапой листочки с какими-то писульками. Мне казалось, смешными. Солидарными со мной были и сотрудники редакции, предложившие мне писать фельетоны. Я очень обрадовался, потому что обожаю все смешное, а особенно сказки Салтыкова-Щедрина и фельетоны Михаила Зощенко.

Произведения мои (в шутку называл я их «опусами») были очень сильными для того времени. Бескрайний запас сарказма, юмора и сатиры, выплеснутый со страниц городской газеты в неокрепшие умы горожан, привел к двум радикально разным последствиям. С одной стороны, я стал звездой городского масштаба, и меня стали привлекать в разные городские тусовки и на мероприятия. С другой стороны – многие люди узнавали в моих фельетонах себя, и понимали, что этот змей ползучий опозорил их на весь мир, что является поводом навеститься к этому наймиту капитала в гости и высказать ему все, что наболело! Ко мне приходили все соседи, и соседи соседей, и вообще левые и незнакомые товарищи и товарки. Они кричали, что я не имею права писать о них такие гадости! Они удивлялись тому, КАК земля носит таких, как я, и грозили мне всевозможными карами, включая скрежет зубовой. Мои попытки объяснить, что я их знать не знаю и вообще впервые вижу, и, вероятнее всего, не увижу больше никогда, не привели к желаемым результатам: скандалы продолжались почти еженедельно. Как выйдет новый номер газеты с текстом, подписанным моей фамилией, – жди беды.

Через какое-то время я был вынужден потребовать псевдоним!

Я объяснил ситуацию, и мой милый редактор Наталья Васильна сказала, что да, тяжело в деревне без пулемета, и что да, псевдоним нужен.

– А какую ты хочешь подпись? – спросила она.

– Торвлобнор Пуздой. – ответил я.

– Ась? Ты, наверное, мелком для тараканов отравился? Таких псевдонимов не бывает!

На что я заметил, что вот клоун Карандаш изначально назывался Каран Д'Аш. А Чехов подписывался как Старик Собакин, и никто не умер пока.

– Но ты же не Чехов? – уточнила та.

– Пока нет, но скоро стану.

– Вот станешь – подпишем как Торвлобнор Пуздой. А пока думай над псевдонимом.

Я сказал, что в таком случае пусть она сама напряжется и высидит жемчужину – придумает мне псевдоним сама.

На следующий день в газете вышел мой текст с подписью «С. Собакин».

Я позвонил и поздравил ее с остроумной придумкой, хотя в глубине души С. Собакин мне очень льстил, был послан весело на... И все. Я, в общем, был не против заменить Антона Павловича на ниве юмора и сатиры. Соседи и не соседи перестали видеть во мне врага, они же не знали, что тексты по-прежнему пишу я, а раз это не я, значит, и написано не про них.

Глупцы.

Конечно, про них! У-ха-ха!

А мой псевдоним начал работать, меня мою судьбу.

Через какое-то время меня пригласили играть в местную лигу КВН в команду звезд журналистики где были все тогдашние звезды города. Приглашали в жюри конкурсов, звали вести шоу на радио, брали интервью... В общем, Собакин начал жить как бы отдельной жизнью и так прижился на моих пышных нивах, что реальное мое имя отмерло само по себе. Все стали называть меня Собакиным, и я был до известной степени счастлив. Однако, когда даже мои мама с папой стали звать меня Собакиным, во мне проснулось мое старое «Я» и впало в неприкрытую агрессию. Мы как раз писали новый сценарий для КВН и по этому случаю устроили очередную оргию, которую назвали «Пир духа». На пир все пришли в костюмах с элементами эротики (как мы ее тогда себе представляли) и, напившись в хлам, учинили скандал с бенефисом и бесчинства. Было так весело! Все были пьяные как гвозди!

Я помню, что приполз в какую-то залу с намерением прилечь, там нашел диван, на котором пытались сдерживать свои пылкие страсти двое наших членов команды... Правда, девушку членом назвать как-то... неправильно, в общем... Членша? Вагина команды? Не... не... нельзя, хоть и хочется... в общем, я приполз. Она говорит:

– О! Собаааакиииин!

Я ей:

– Не называй мееняаа Ссобак-киным! Мменя это, сука, бесит! У ммина есть моя нормальная ф-амилия, и пррашу меня наззывать по ней!

На что она еле-еле выдохнула:

– Х-хараошо, Собаккин! Я не буду тебя называть Сссобакиным, Собакин!

После этих слов я понял, что, по ходу, «всегда быть в миске – судьба моя».

Я еще неадекватно просуществовал часа два, побегал по февральскому Норильску голым по сугробам, перецеловал всех, кого встретил, разбил голову, в веселой драке КВНщиков потерял зуб «в неравном воздушном бою», да и уснул.

Вот как-то так я стал Собакиным. Всем нравится, да и я уже не против. Запоминается легко, и к моей дурацкой внешности подходит. Так и повелось. Сейчас я даже на работе в автоподписи значусь, как дизайнер Серж Собакин. Кстати, да, я еще и дизайнер. Такой же дурацкий, как моя внешность и мой псевдоним.

Петербуржец в минус пятом поколении – это страшно!

У нас в офисном туалете стоит щедрый смеситель. В нем масса воды, и смесителю ее совсем не жаль. Сенсор включается, ошпаривая вам руки ледяной водою. Но вы уже с визгом отскочили, потом вернулись и домыли все, что нужно домыть, и уже вытираете руки бумажными полотенцами. А смеситель все льет воду: он считает себя фонтаном. А чего воду-то жалеть? Через два дома – Обводный канал, и воды в нем – через смеситель можно выливать до второго пришествия, или еще хуже – до победы демократии в России!

В этом я вчера убедился, когда шел пешком с работы домой. Через каналы, мосты, мосточки-жердочки и прочие пересеченные местности я шел пешком. Путь неблизкий, километров десять, но я честно пытался дойти. Не то чтобы я не хотел автобуса, скорее, автобус не хотел меня. Обычно он хочет, а тут решил, что у него болит голова. Я и пошел. Ноги у меня есть – вот и пригодились.

Дело в том, что я коренной петербуржец в минус первом поколении – меньше года, и в таких нюансах, как названия улиц, их длина и в прочих мелочах пока не силен. А еще я не знаю обходных путей, дублирующих трасс и автобусов, а также адреса, по которому я живу. Место своего жительства я знаю наощупь. Вот так справа магазин с едой, а слева зоомагазин с бизнес-ланчами по 170 руб. (Видимо, там рыбки недорогие). А посередине – наш дом с алко-маркетом шаговой доступности, притворяющийся продуктовым магазином. Ночью однажды я пошел в него за тортиком, чем шокировал местное население культурной столицы, – я купил тортик. Все купили пива, водки и прочих йогуртосодержащих жидкостей, а я – тортик!

Ибо не фиг!

В общем, все предельно ясно (это я снова про домообнаружение на местности).

Запомнить адрес мне сложно – он не такой, к какому я привык, ну типа не такой «Город Вздрыжневск, улица Восьми последних девичьих вздохов, шестнадцать, квартира сто», а такой типа «Десятый Надземлестройный проезд Свинорыльцев, дом 12 литера „Ю“, корпус 1 дробь 18, владение 3». А подъезд называется «лестницей», но все говорят, что это «парадное». Поди запомни за полторы недели, как ты стал коренным питерцем.

Шел я недолго, всего три часа, а потом еще ждал какой-нибудь автобус, но какого-нибудь не было. Двенадцать раз проезжал 26-й, раз десять – 15-й, а моего «третьего» не было ни одного. Поэтому я решил ехать на каком-нибудь автобусе, лишь бы ехал до моего дома. И вы не поверите, я таки его нашел и еще через полчаса, голодный, злой, но счастливый, что живой, я нашелся и приехал домой. Где был пожалет, накормлен, напоен и спать уложен.

Сегодня вечером меня ждет прогулка до центра, по центру и из центра же. По милым старым улицам, среди толп стильной молодежи, которые, по глазам вижу, что уже знают, что такое смузи, стартап и краудфандинг, но почему-то стесняются признаться в этом окружающим. Далее до центра, где ветер, катера и люди, мечтающие укутать тебя в оранжевое одеялко и так, в костюме привидения без мотора, покататься по каналам и канавкам. В этом случае хорошо притвориться интуристом и пить коктейли с водкой, стуча зубами по жестяному бочку банки, укрытой от глаз любопытных, как дети, полицаяв в неброский мешочек.

Из непонятого

Дизайнеры – злые люди. Душа их черства. Характер циничен, а нрав глумлив. Нам ничего не стоит выстебать ни в чем не повинного менеджера за его разговоры по телефонам, клиента за идиотские письма и вообще все, вплоть до названия «алколистровка», которую путают с К-8 для эРцЭ.

Все это вызывает дикое веселье за столами дизайнеров.

... – Да не слышит он меня, он в Копейске в подвале! – кричит один менеджер за стеной.

– Привязан? – спрашивает другой.

– Я больше не могууу, – восклицает один дизайнер, – мой мозг щас взорвется!!! – за дизайнерскими столами раздается тихое хрюканье и происходит сползание под столы.

– Я русский.

– Ты русский?! Какой ты русский?

– Какой есть...

– Он – черный русский.

– Это коктейль такой?

– Это помидор такой. Сверху черный, как душа дизайнера, а внутри красный...

– Как Обама?

– Это еще до Обамы было. Сорт такой вывели... (одобрительное повизгивание дизайнеров).

– Это ты меня заразила гриппом!

– Мне можно, я – Женщина, – парирует женщина.

– Аааа! – негодует мужчина (дизайнеры сползают под столы).

Из беседы дизайнера и ее жертвы:

– У нас двадцать третье ию-ля или ию-ня?

– Ию – ня! У нас все «ня»!

– Так, а этот выпуск какого «ня»?

– Двадцать пятого «ня».

– А этот?

– Двадцать девятого «ня». У нас все время одна сплошная «ня».

– Так. Что за «ня»?.. (дизайнеры всхлипывают из-под стола, не переставая отдавать всех себя работе).

– Помогите придумать название для брошюры про пикники, я себе уже весь моск сло-мала, прям вынула, посолила и выбросила!

– А давай в интернете «генератор слоганов» посмотрим, наверняка есть что-нибудь такое.

– Давай... А!!! Это ваще! (читает вслух):

– Пикник. Искусство соблазнять.

– Пикник. Забывайте больше.

– Пикник. Купите место под солнцем.

– Пикник. У нас нет постоянных читателей... Это может быть лейтмотивом всей нашей продукции!!!

– Яйца «Пикник» позволят вам привыкнуть к королевской роли! – какой-то бред!

– Пикник – зимой не мерзнет, летом не кипит!

Этот фонтан говна придумал специальный сайт в интернете, а мы – дизайнеры – держались до коликов!

О бренности сущего

Однажды решил я написать рассказ – история пришла в голову сама. Я помчался к компу, только сел, только распротер персты над клавишу, только начал писать – хрясь – тьма опустилась на богоспасаемую «фатеру». Думаю, что за х...? в смысле – уж не небо ли упало на землю? – выбило пробки. Пробки вбили на место, и только я начал загружать комп снова... знаете, есть в нем такой момент, когда Винда показывает вашу фотку столетней давности, где вы такой еще молодой, худой, стройный, упругий, красивый, умный... в общем не то что щас, и тут хрясь – повторное падение пробок на землю. В смысле небо выбило. Тьма опустилась вторично. Так сказать, вторичное затемнение. Я начал пениться... снова отделили тьму от света, а сор от семечек, я третий раз начал загружать комп, но тут уже дальше порога меня не пустило. Снова свет отрубился. Внезапно я понял, что это злобные инопланетяне надо мною глумятся и насмеваются своими бескровными, лишенными губ ртами, как когда-то в юности, когда я написал Великий Сценарий для своей команды КВН.

Лет двадцать пять назад (ОМГ!!!) полярной зимней ночью ехал я в неотопливаемом автобусе по тундре. У теплых оленей был выходной, пришлось ехать на неотопливаемом автобусе. Ехал я и грезил о новой игре в КВН. О том, что вот бы написать Офигенный Сценарий Мечты... и вдруг сами стали в голову приходить великолепные шутки, и прям пачками, сценки – просто потрясающие по тупости и смешноте! Я достал блокнотик и ручку и на птичьем своем языке набросал закорючек на полную «рыбу» сценария на все конкурсы, включая музыкалку и домашку.

Приехав домой, я срочно сел за стол и к утру написал полнейший сценарий! С диалогами, монологами, песнями, плясками и гэггами. А вечером того же дня я, сидючи в редакции любимой газеты, читал сей шедевр Великой и Любимой Лерке – великой подруге моей любимой и учительнице, все, что нарожал. Фурор был полный! А далее было чудо чудное – юдо юдное. Читайте по буквам: чтобы я не профукал сценарий, Лера изъехала из моих дрожащих трепещущих рук сценарий, и унесла в Страшные Глубины Космоса, где спустя три минуты и спрятала. Да так глубоко, что ни она сама, ни кто бы то ни было и никогда больше его не видел. Сценарий исчез.

Уже тогда я ощутил на себе саркастическую ухмылку инопланетян их тонкими бескровными губами. Сценарий был получен из астрала, в него и канул, лишь коснувшись голубиным крылом моего тогда еще мохнатого загривка.

В юности я был до неприличия прекрасен, чистый Бисер Киров, слава ему. Одним своим видом я укладывал в постель всех, на кого падал мой пылкий взор! Если верить моей подруге Лерке. Но щас не об этом.

В общем-то и историю-то я хотел описать маленькую, неказистую, чистая канифоль для паровоза, но инопланетный разум был настроен саркастически и такую сливянку мне подсунул.

Вот эта история. Одна моя подружка, назовем ее Светка, наслаждаясь криками своего сынишки, изрекла: «Вот было бы круто – рожаешь ребеночка, и тут он раз – лет на пятнадцать-двадцать уезжает в пионерский лагерь. А потом приезжает высокий прекрасный блондэн, образованный и интеллектуально подкованный, в красивом смокинге, и говорит: – А я вот вам маман, милшен баксов пока заработал. Вот вам чек.

Почему у людей все иначе? Почему, почему, Собакин?» © Клара Захаровна из «Любовь и голуби».

Вот такой рассказик. А инопланетянам я шлю приветы, с поцелуями и пожеланиями – высокого зенита, отличного надира, да и нам тоже... надо бы надраться под вчерашний плов... Максим! Водки!

Сию рассматриваю сайт, посвященный умным смарт-часам. Они типа умные... А что в них умного? Что?

Они знают погоду и время – я тоже знаю. Они умеют петь, и я умею. Они умеют показывать, кто позвонил, и я могу. Я даже могу висеть на руке, как они. Так почему же их называют умными, а меня нет? Неужели оттого, что им можно засунуть в попку сим карту – и будет всем «щасте», а мне если засунуть, то «щасте» не наступит уже никому и никогда? Вот вопрос так вопрос!

Бывает, что бывает. А что?

Сегодня весь день на работе хотели кофе-машину. Говорили о ней, мечтали, думали об аромате кофе, о веселом бурлении пузырьков, о пенке на кофе. Вот придешь на работу, а тут кофе-машина стоит. Так хорошо! А главное – удобно! Ведь без кофе-машины так плохо, а с кофе-машинкой – хорошо. Гораздо лучше, чем без кофе-машины!

А к вечеру... вы не поверите... в лифте образовалось зеркало во всю стену! Когда вернулись с перекура всем кагалом, сразу решили срочно хотеть зеркало! Ведь если хочешь кофе-машину, а появляется зеркало в лифте, наверняка если захотеть зеркало, то вполне может отрасти кофе-машина? То-то!

Вот придешь на работу, а тут зеркало висит. Красиво! А главное – удобно! Ведь без зеркала так плохо, а с зеркалом – хорошо. Гораздо лучше, чем без зеркала.

(Когда верстался номер, как писали в советских газетах, я решил приписать: кофе машина-то у нас появилась. Даже две. Одна финская капсульная, капсулы на которую теперь у нас не продаются, другая капельная. Всем хороша, но столько кофе жрет, что не напасешься. Поэтому мы ими не пользуемся. Будьте осторожны в своих желаниях!)

У моей подруги маленький сынок говорит на своем собственном птичкином язычке. Едем впятером всем дизайн-конклавом на сломанном лифте и, чтобы отвлечься от мыслей о неизбежности грядущей смерти, обсуждаем сей феномен.

Подруга: – Он говорит тысь-тысь, это значит сосиски. А тысь-тысь-тысь – носки.

Я: – А если четыре раза – тысь-тысь-тысь-тысь?

Анна: – Сосиски в носках, наверное.

Иду по коридору к кофейному аппарату. Навстречу мне из туалета, который у нас называют «истеричечная», выходит наш верстальщик Стасик, уткнувшись в смартфон. Я ему говорю: «Покемонов ловил в истеричечной?», – и вы бы видели, сколько радости было в его глазах! Теперь посещение «истеричечной» с известной целью мы называем «словить покемошку».

Жизнь – боль. Дачный вариант

Вторник, вечер, и внезапно нечего делать. Но деятельная натура не дает расслабиться – гонит меня, как волка голод, искать себе занятие на вечер. Не нашел. Пришлось идти искать торт в холодильнике.

В холодильнике нет торта. Это я и без вас знаю, но нужно же что-то делать? Нужно. Был бы у меня дачный участок и сварочный аппарат, я бы, может быть, сварил стартовую площадку для запуска звездолетов из звездных войн, как муж моей подружки Ани.

Ане повезло дважды в жизни: сначала она встретила украинского мужа, и второй раз, когда она узнала, что стала обладательницей не только забавной фамилии, но и автоматом стала Ганной. Потому что у них (у украинцев) нет Ань, у них Ганны. Таперича она панна Ганна. Ну не чудо ли?

И вот этот муж оказался не только волшебной красоты покорителем сердец, но и еще Мастером с Масштабным Мышлением. (Три М... МММ... к чему бы это?)

Однажды наша Ганна поручила чудо-мужу воздвигнуть на даче (а у них есть то, что она в забытии называет дачей) ... так вот... на даче воздвигнуть новое крылечко в их мааленький домичек!

Домик не домик, не велики хоромы – чуть больше курятника, да еще фундамент сгнил, не ровён час – рухнет ота вся холупень людям на голову. Правда, убить не убьет – сил не хватит. Пар в форме дома. Сплошные атомные цепи, которые по недоразумению до сих пор держат форму жилища. Видимо, держится на слюне тараканов. Муж, а он не просто чудо-муж, а еще и Мастер на заводе по производству огромных железных хреновин из железа, значит, почесал репу... а это значит – быть беде, точный знак, это я вам как потомственный обладатель мозолей на запястьях говорю. Почесал он макушечку, долго чего-то чертил, потом на одних выходных два дня возил и разгружал Железные Железяки, а на еще одни выходные два дня варил чего-то на сварочном аппарате. Ладно бы горилку варил, а то железки... Муж варил крыльцо. Нет, Крыльцо!

На следующие выходные муж привез жену на дачу показывать работу. Помните мультик про летучий корабль? Там Полкан говорил царю, гордым гоголем выгнув живот: «Построил я тебе летучий корабль! Теперь Забава моя!» ... Вот примерно то же самое муж приготовил нашей Ганне. По словам очевидицы, она стала счастливой обладательницей стартовой площадки для запуска ракеты-носителя «Протон-М». Сама дачка с боку практически потерялась в тени великолепия КРЫЛЬЦА. Получилось такое Царь-крыльцо! Этакое Крыльцо Крылец. Эдакай Вход Во Врата Рая! Только олимпийские Титаники могут входить в это альтер-эго дачи. Сама дача не ровен час сгинет в пучине веков, а крыльцо обещает дожить до воцарения инопланетян на земле! Колонны и основания созданы из металлических балок толщиной с ногу слона! Ступенечки такие, что по ним можно провести роту динозавров в тяжелом обмундировании, вооруженных до зубов танками. Перильца – как кремлевская стена, только из железа. Кинг-Конг бы не вырвался, будь приглашен он в гости.

Аня говорит: «Я его спрашиваю, а чего такое все огромное и толстенное? А он мне отвечает, в сомнении почесывая затылок: «Ну не знаю... у нас на заводе все так строят...».

Анна все время бьется в истерических припадках счастья, когда рассказывает о победе ее мужа над разумом... то есть дачей. Она говорит, что с затаенной страстью ждет, когда муж воздвигнет заборчик вокруг участка. По всему выходит, что там будет все. И железный тес из рельса, и колючая проволока системы Егоза, легко нарезающая на карпаччо врагов мирового пролетариата. И ток, и вышки с автоматчиками, и молчаливые овчарки, которые не тра-

тят время на лай, а просто подбегают к забору и съедают все то, что уцелело после нарезки и неосторожно упало с нехорошими намерениями на охраняемую территорию Мемориального Крыльца.

Я считаю, что вместо барбекюшницы им нужно построить как минимум крематорий! А друзьям загадочно говорить: «Приезжайте в наш крематорий... ха-ха-ха! Шашлык с меня!»

Как я был дедом Морозом...

...в краю, где мороз – понятие скорее эмпирическое, чем относящееся к зиме.

В стародавние времена моей гладкой и упругой юности довелось мне жить в солнечной республике Туркменистан и работать в детском саду художником-оформителем.

Жизнь художника, да еще и оформителя, да еще в Туркменистане, да еще и летом, многотрудна и тяжела. Не сахарок, в общем. Иногда в детский сад заползали гадюки, и мне, как человеку искусства, приходилось брать лопату и идти на отстрел... точнее, на убой гадюки. Потому что, как известно, гадюки лучше всего умирают от прямого попадания лопаты в область шеи. После охоты я шел снимать с деревьев обильный урожай спелых воспитательниц.

Так и проходили мои дни в ратных подвигах.

Однажды от нечего делать я решил украсить фойе офисного сарая нашего садика макетом мечети и за неделю склеил ее из картона и расписал акварелькой. Да так хорошо, что заведующая нашим садом повесила мой светлый лик на доску почета.

За это, чтобы закрепить успех, я выложил прямо на бетонном полу офисной сарайки угол из булыжника, насыпал земли и насадил цветов. а у стенки прибил дохлую виноградную плеть, оклеенную самодельными бумажными листьями. Получилось миленько и почти не похоже на кладбище. За это меня как единственного «русского» в радиусе 50 километров допустили в кабинет заведующей садиком и позволили греться у огня. И даже (завидуйте мне, белки и жучки!) помогать с помощью калькулятора распределять зарплату между работницами дошкольного заведения.

В нашем кисельно-кефирном заведении было всего два мужчины – я и мальчик, играющий на пианино. Он был юн и одержим эротизмом. Как все мальчики в этом возрасте, думал он мало и в основном не головой. Наш мусульманский эротоман в свои 19 лет видел секс во всем – прошла по ступенькам лестницы воспиталка, приподнялся в процессе восхождения подол от земли на сантиметр, и вот он вздыхает: «Оооо! Какие у нее ножки!». А там ножки-то и было – кусок резиновой калошки, а внутри – шерстяной носок... Я тогда подумал, что если бы ему показать нашу школьницу на выпускном, то он бы умер от спермоизлияния в мозг. Страшная смерть в наслаждении.

В декабре, как вы понимаете, наступает новый год. Его в Туркменистане не празднуют, НО. В ДДУ, по-видимому, после распада СССР распалось все, включая и министерство детских садов и яслей. И празднование новогодних утренников некому было отменить. Вот и празднуют в независимом мусульманском Туркменистане советский праздник христианского происхождения.

Дети, как водится, наряженные родителями в костюмы непонятно кого (ну нет у них там ни зайчиков, ни белочек, ни снежинок) с дикими глазами водят хоровод вокруг туи, украшенной обломками советских еще елочных украшений, под аккомпанемент того самого эротоманского пианиста, и дико смотрят по сторонам, видимо, не вступая вообще, где они, кто и что они здесь делают? И тут на сцену должен выскочить Дед Мороз. А кто у нас Дед Мороз, если мальчиков всего два, и один уже занят? Ясное дело – я. Ваш покорноватый слуга.

Перед концертом мы на кухне активно отмечали, так сказать, новогодний праздник. Пили долго и со всем положенным всевышним (слава ему) усердием. Поэтому к началу мероприятия пьяными были все, даже гадюки! И заведующая, и повариха, и заместительница по культмассовому сектору и собственно музыкант.

Поэтому обряжали меня на выход к детям всем миром. Каждый внес в мой образ от себя все то, что ему подсказывало видение прекрасного. Поэтому я был похож на сон наркомана. Точнее, на то, как бы выглядел Дед Мороз, рисуй его образ, например, абстракционист или конструктивист какой-нибудь. Да еще и пьяный как пальто!

И вот случилось! Грянула туркменская новогодняя плясовая – и в зал к детям выскочил я!

Я ходил ходуном, бросался вприсядку, крутил колесо, размахивал бородищей! Скользил на валенках! Делал «Ай-на-нэ!». В общем, использовал реквизит как мог! Дети в истерике с круглыми от неожиданного счастья глазами весело разбежались и прятали под столы и стулья свои описанные попки, пытаюсь скрыть свою нежданную радость от осатаневшего двухметрового бородатого шоумена!

Пьяные воспиталки с криками «Вай-вай-вай!» умирали со смеху, валясь на пол... в общем, было круто, как на дискотеке в сумасшедшем доме. Я извивался и плясал, приставал к деткам, кружил в танце заведующую, бил валенком по клавиатуре пианино, и вообще входил во вкус разнузданного веселья...

Я не помню, сколько детей в итоге сошли с ума от счастья, но воспиталки были мне благодарны, и потом, когда все кончилось и всех получивших культурный шок детей развели по группам, мне налили еще на посошок, чтобы градус не сбить. А я со своей стороны угощал их немецкими ликерами, которые привезла моя маменька из России. Так вот эти ликеры были полным говном! Полным! Так что все байки о волшебном качестве всего немецкого – не просто вымысел, а чистая правда! Они даже говно делают таким, что у нас его продают как ликер. Вот это я и хотел рассказать.

О дедстве (Пичалька)

Я на этом свете появился чисто случайно. Вообще не планировал. Что я мог планировать в жутко-жидком состоянии? Просто моя маман хотела завести собачку, а завела меня. Она даже хотела избавиться от опухоли в области малого таза и даже уже пришла в клинику, чтобы сей план осуществить, раз сам не рассосался, да призадумалась... (держала ли она во рту при этом сыр, как та задумавшаяся ворона из басни, история умалчивает), но я вопреки всему таки посетил этот волшебный мир, этот рассадник «щастя» для пролетариев всех стран.

Детство мое проходило безмятежно и весело, насколько позволяли условия в лице моей злобной Бабули-Ягули, суровой Маман, вредной Систер и подлого Братца. А так как о мертвых либо хорошо, либо ничего – то папеньку трогать не будем. Он был правда очень хорошим! И страстно любил своего сына – моего брата.

А! Еще я забыл помянуть добрым словом погоды. Мы жили в двух радикально разных сегментах Ада: на юге в пригороде Ташкента, – где летом температура поднималась до плюс пятидесяти, в пятиэтажной хрущевке, на самом верхнем этаже. За день крыша раскалялась добела, а вместе с ней и наша квартира. И мы плавали в рассоле из своего пота по квартире, как сыр в масле перекатываясь. В каком-то смысле, конечно. А еще на севере, в Норильске, где зимой погода опускалась до минус пятидесяти, и в воздухе на лету замерзало все, что могло замерзнуть. Включая матерки и сопли. Сейчас, когда я стал коренным питерцем, мне хорошо – летом не бывает жарко, а зимой холодно, но жизнь моя от этого не становится скучнее, чем обычно. Зачем родителей так радикально бросало из одной климатической крайности в другую, мой не понимать.

«Школьные годы чудесные» были чудесны. Чудеса чудесных школьных год потрясали своей чудесатостью и школьностью...

А что, по-вашему, может еще сказать о школе бывший двоечник и второгодник, которым я был? Только так, и не иначе как! Нет, правда, в школе было здорово! Я с упоением рисовал все уроки напролет, а на переменах бегал со скоростью сверхзвукового самолета, так что учителя, попавшие в мои вихревые потоки, кружились, как осенние листья, посылая мне во след «благословения». Мой рост, вес и прыть позволяли мне не замечать такие мелкие преграды, как стеклянные двери в школьных коридорах, отчего их количество стремительно стремилось к нулю. Да-с.

Я спокойно дожил до восьмого класса и отбыл на волю. Наша классуха лично подсказывала мне на экзаменах – ей хотелось освободиться от ярма в моем лице и не потерять статус Великого педагога-тысячника, способного перевоспитать любого засранца в Строителя Коммунизма.

Не смогла, чего уж там. И не то чтобы я был такой подлец распоследний, просто я всегда был сам при своем мнении. Даже в пионеры я вступал отдельно, потому что на общешкольное мероприятие я опоздал, на классное – прогулял. Потом меня просто прижали к доске, выдавили из меня клятвы – раз порядок такой, и повязали. От комсомола я уже умышленно откосил – сказал, что недостоем своими ужасными отметками и поведением осквернять стройные ряды... и прочий бред. Председатель совета дружины Лариска понимала, что я глумлюсь и издеваюсь, но формально я все-таки был прав. Так я и не стал комсомольцем – дойной короной, на взносы которых жирели коммуняки.

После школы я познал секс. Случайно. Страстно. Хорошо. Вышел, обдумал все и вернулся. Познал его еще раз и пошел домой. Это было время обучения на повара. Как сейчас помню...

Учился я радикально. По спецпредметам – только пятерки, по школьным дисциплинам – только двойки! Учителям на их недоуменные вопросы я оскорбительно пояснял, что мне, как повару, совершенно ни к чему их физика, химия, новейшая история, политэкономия и даже программирование на фортране. И даже этика и психология семейной жизни, с примерами на тычинках и пестиках ни к чему! Учителя рыдали по ночам, понимая, что они зря сорок лет копили знания по быстрому счету на палочках, по теоретическому программированию без компьютера в тетрадке в клеточку! А после обучения (иногда и вместо него) я продолжал познавать секс. По вечерам я делился со школьными друзьями подробностями, заставлявшими их уши польхатъ, как будто я познавал секс с их ушами. Но мне было все по фигу.

Так же «по фигу» пошла и учеба. Потом армия, потом много еще чего... была пережита перестройка, гласность и демократия. Я отучился на повара, на художника-оформителя, потом работал слесарем-сантехником, потом фриттовщиком, потом еще и еще кем-то... за десять-пятнадцать лет я сменил столько профессий, что у меня кончилась трудовая книжка. И лишь к двадцати восьми годам я начал понимать, что я всё же более лирик, чем физик. И не надо на меня махать тентаклями! То, что я плохо учился в школе, не делает меня дураком! Скорее наоборот! Моя разлюбимая подружка в школе была хулиганкой, и ее учителя плакали бы от счастья, если бы узнали, что она не стала Атаманшей из «Бременских музыкантов», а даже наоборот – учит людей хорошему, доброму и вечному. Дизайну. И меня тоже учила она. А, например, одна золотая медалистка из моей школы стала уборщицей в продуктовом магазине.

О чем бишь я? Да ни о чем.

Соль басни найдите сами, у меня думать голова устала...

Увидел Кронштадт – и... ничего, живой

На день военно-морского флота, не смотря на встречный ветер, дождь, и прочий всемирный потоп понесла нас нелегкая в Кронштадт. Уж больно слово красивое, грех было не увидеть все это чудо расчудесное. Опять же море и остров в нем.

Испытание боем, как и положено в праздник морской славы, началось уже на подступах – на остановке маршруток, идущих в сей морской город-остров. Около сорока минут мы стояли на внезапном солнцепеке и мечтали о мороженом. Маленький Артурчик прилип к своему самокату и вел себя хорошо, хотя вокруг было столько соблазнов: и тебе голуби с клещами, и красивый пластиковый туалет, и мусорный контейнер, и просто пыль и грязь. Но он в данный отрезок жизни жаждал самоката и насиловал его как мог, на радость скучающей толпе. Потом по пути на остров нас ждала специально организованная к нашему приезду пробка. Потом был Кронштадт! Старинные дома времен Петра Первого, пушки времен «того же царя-анпиратора» Петра, квадратный бассейн времен Петра Алексеевича, и маяк. Просто маяк. На маяк я смотреть не пошел, потому что его издали видно достаточно подробно, во всю его державную высь, ширь и прочую явь. Зато я рассмотрел выставку ржавых пушек и железных бочек, приотворяющихся разминированными минами и разбомбированными бомбами. На минах и бомбах катались дети. Противоестественно чистые дети!

Меж тем погода становилась все лучше и лучше – мелкий дождик превратился в дождь, потом в ливень, град, а затем земля смешалась с небом, дождь пошел параллельно линии моих горизонтальных усов и, наконец, пришел Специальный Державный Зверь Писец. Все приличные прохожие и страждущие культуры люди разбежались по кафешкам познавать тонкости военно-морской кухни, и поэтому места в забегаловках кончились задолго до того, как мы, с Артурчиком на самокате, доползли по булыжной мостовой до ближайшей.

Вообще зрелище матери, бредущей по пояс в воде и прикрывающей зонтом сына, плывущего по уши в воде на самокате, способны пробудить в ком угодно слезы умиления, изумления, нежности, материнской любви и все прочие прекрасные чувства, но только не в нас.

Дело в том, что, кроме Артурчика, все присутствующие в этот момент в водовороте событий люди были дизайнеры. А дизайнеры, как известно, люди жестокие и бессердечные, могущие выстебать даже хроменькую киску, поэтому слез не было, а были только подколки, пинки и прочие проявления дружеского участия.

Когда последнее кафе в городе осталось позади, а мы укрылись в единственной в Кронштадте подворотне, дождь как положено закончился. И так как праздник военно-морского флота логически тоже завершился, мы отправились обсыхать в очередь на маршрутку.

На остановке мы увидели гниющее под дождем старинное пианино. Сволочи! Бессердечные люди! Какой гад бросил его под дождем?! Слезам печали нашей не было границ. Дизайнеры, как известно, очень сентиментальны, когда дело касается всего прекрасного. Это может быть гнилое пианино, драная занавеска, разломанный дом или просто порушенная судьба коврика. Это было прекрасное пианино! резное, с колоннами, подсвечниками, всякими штуками красивыми... и стоит под дождем мокрое... Бедненькое...

Минут сто мы ждали маршрутку, орошая слезами скорби и без того мокрое пианино. Но вот наконец пришла наша колесница, и буквально через два часа блужданий в пробках, специально созданных для нас по случаю завершения праздника военно-морского флота, мы таки прибыли в наш милый Петербург, с его блохастыми голубями, симпатичными синими пластмассовыми сортирам и просто грязью... Еще час, и мы добрались до дому.

Хочется сказать спасибо производителям водки за то, что мы не умерли от воспаления легких! Если бы не они, нам нечем было бы растереть свои еще не окрепшие тела изнутри. Спасибо вам, водкоробы и пиводелы!

Ша, консерва, это культура!

Вас когда-нибудь пытались обокрасть хитрые злодеи? Меня – да! И уже второй раз за три месяца. Хитрый злодей худосочен, скромн и совершенно не жаждет славы! Времена Иосифа Шора прошли, и никто не жаждет остроумной аферы, блеска мысли, хитрых ходов! Не жаждут создать медийного повода. Просто тупо приходят и берут что хотят, пригрозив вам чем-нибудь опасным. Ножом или за неимением оногo люляшками. Хотя есть еще самородки, которые ради вас готовы разыграть целый бенефис.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.